

Вера Колочкова

Летят перелетные птицы

Вера Колочкова

Летят перелетные птицы

«Автор»

Колочкова В. А.

Летят перелетные птицы / В. А. Колочкова — «Автор»,

Аня Власова, участковый терапевт, живет в небольшом поселке, где все работают на одном предприятии, хорошо знают друг друга и очень уважают своего доктора. А у доктора Ани заботливый и любящий муж, и живут они в достатке в отдельной квартире. И родители живы-здоровы. Все как будто хорошо... Но Аню одолевает тоска, иной раз ей хочется убежать от этой скучной счастливой жизни, от доброго и такого надежного мужа. Вот только куда? Неожиданно у Ани появляется новая пациентка. Александр Синельников, успешный модный дизайнер, привез свою гражданскую жену к матери после неудачной косметической операции. И Аня влюбилась без памяти в красивого энергичного Александра – гостя из другого, блистательного мира...

© Колочкова В. А.

© Автор

Вера Колочкова

Летят перелетные птицы

* * *

Неприятное время года – межсезонье. Особенно межсезонье осеннее. Нет, и в самом деле! Если отбросить романтику увядания, все эти «в багрец и золото одетые леса», то что нам остается? Капризы осеннего неба, сию минуту обманчиво голубого, а через час некстати дождем заплакавшего? Смотришь на это небо с утра и не знаешь – то ли брать с собой зонтик, то ли не брать... И одеться как правильно, тоже не знаешь.

Вздыхнув, Аня с раздражением дернула вниз молнию, распахнула полы теплой куртки. Жарко. Неправильно она сегодня оделась. Благо, что вызовов на участке немного, да и те в основном классические. Бабушки с гипертонией, старые баловницы, разбавляющие свое одиночество вызовом врача на дом, один мужичок с явно простудной температурой да веселая вдовушка Маня Блинкова, любительница халявного отдыха по временно придуманной нетрудоспособности. Интересно, какие симптомы она сегодня для себя организует?

Да, некогда народу нынче болеть. Народ в огородах копошится, урожай картофельный собирает. Из-за каждого забора дымок от костров стелется – ботву жгут. Это потом с вызовами на участке катастрофа начнется, после страды, а сейчас – нет. Стало быть, и ей можно слегка расслабиться, пройтись по участку, то бишь по длиннющей Новослободской улице просто так, гуляючи, посмотреть, как облетают последние листья с деревьев. Грустное зрелище, конечно. И где тут поэтическое «пышное природы увяданье», в чем, интересно, романтика-то? В лысеющих на глазах кронах, что ли? А может, в овощном натюрморте, выставленном у этих ворот якобы на продажу? Лежат на скамеечке милые оранжевые морковки, полосатый кабачок, желтая тыковка, рядом банка с солеными огурцами примостилась. Зачем, интересно? Кто все это хозяйство покупать станет? Ладно бы еще на трассе, где проезжающих машин много, а здесь, где в каждом огороде своя морковка? Станные, странные у людей развлечения. От скуки, наверное.

Надо же, опять ветер подул, холодный, зараза. Как там у Чехова? Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... То бишь обратно куртку...

Наклонившись, она принялась копошиться с собачкой пластмассовой молнии, тихо про себя чертыхаясь. Сейчас так просто еще и не застегнется, в последнее время чего-то барахлить начала. Куртка – барахло, и молния на ней – барахло. И зачем только расстегивала? Жарко ей стало, смотрите-ка!

Новый порыв ветра налетел сбоку, принес с собой запахи огородного дыма и надвигающегося дождя. Довольно тоскливая, однако, смесь запахов для романтического осеннего настроения. Может, в пушкинские времена хотя бы ботву на огородах не жгли?

Справившись таки с молнией, она подняла голову, глянула в небо. Точно, свинцом отдает. Сейчас дождь начнется, мелкий, осенний, занудливый. Придорожная пыль под ногами моментально обернется грязной жижицей, и никакого расслабленного гуляния не получится. Будет обычное шмыганье по вызовам, изо дня в день одинаковое. И еще сельский унылый пейзаж будет. С дождем, с грязью, с мокрыми серыми заборами, с брехливыми за ними собаками. Пейзаж типичного для богом забытого Зауралья села Одинцово, гордо именующего себя поселком городского типа.

Нет, вот интересно таки, какой умник нашел в этом селении признаки городского типа? В чем они состоят? В двух десятках серых блочных пятиэтажек на главной улице? В наличии магазина с парикмахерской? Или в том, что магазин гордо переименовался в супермаркет, а

парикмахерская – в салон «Модница»? Нет, правда же, смешно! Как ни назовись, а все равно – село. Свернешь с главной улицы хоть направо, хоть налево, и начинается частный сектор. Ухабистые дороги, дома с палисадниками. Те, которые побогаче, выпячиваются надстроенными верхотурами с модным сайдингом, другие жмутся рядом, как бедные родственники.

Да уж, Одинцово, оно и есть Одинцово. Хотя и присутствует в сознании местных аборигенов одна чудаковатая гордость – село-то, мол, наше так же зовется, как город в Московской области! Пусть всего лишь названием, а вроде и провинциальное Зауралье к столице присоседилось! Одно время по селу даже байка ходила, как шустрый парень из местных в Москву на заработки подался, да все никак в приличное место устроиться не мог. Ну, в одной фирме его и спросили – откуда, мол, приехал? Он и брякнул с гордой уверенностью – да всего лишь из Одинцово! Мол, ваш я, местный почти! И взяли парня на работу. Потом, когда взгляделись хорошенько в паспортную страничку, только руками развели. А парень, говорят, до сих пор там работает, даже карьеру сделал...

Ага, вот и дождь пошел. Кто бы сомневался. Зато аккуратно по первому адресу прибыла, Новослободская, дом пятьдесят восемь. Здесь у нас гипертоническая бабушка Подкорытова Мария Семеновна проживает. А напротив, по адресу Новослободская, пятьдесят семь, дом ее неразлучной подружки Марии Егоровны Бондаренко. Чтоб в именах не путаться, они просто Семеновной да Егоровной себя кличут. И вызов они делают всегда совместный. Если звонит в регистратуру Семеновна, то непременно и к Егоровне врача требует. На всякий случай, как говорится, до кучи...

У Семеновны дом старенький, почти в землю врос, у Егоровны получше, крепенький, как белый грибочек. И забор у Семеновны покосившийся. Калитка со старой веревочкой, как в сказке – дерни за веревочку, дверка и откроется...

– Мария Семеновна, здравствуйте! Я по вашему вызову пришла, вы дома? – крикнула она в пахнущую березовым веником темень сенцев.

– Дома, милая, дома, куды ж я денусь, с давлением-то... Давай, проходи в горницу, туточки я... – послышался из-за двери слабенький старушечий голосок.

Так. Где ж тут дверь-то? Опять забыла. Всегда теряешься в этих темных чужих сенцах. Ага, вот здесь, пожалуй. Надо рукой пошарить, ручку нащупать. Еще и под ногой что-то взгромынуло, ведро, наверное.

Вошла, и тут жешибанул в нос запах неприкаянного старушечьего одиночества – кухонных тряпиц, капустного варева, сухих травок и еще чего-то специфического, прогнившего, сладко-нафталинового. За печкой, в горенке, шевеление, вздохи. Бабушка Семеновна с трудом села на кровати, оправила на коленях полы засаленного фланелевого халата.

– Здравствуйте, Мария Семеновна. Ну, что у нас тут с вами происходит? Рассказывайте...

– Ой, да чего там рассказывать... – сложила старушка на впалой груди коричневые морщинистые ручки, – сама видишь, лежу вот... Утром хотела была-ко встать, да так голову вскружнуло, что обернулась вокруг себя и обратно на койку рухнула. А потом еще и сердце клешней прихватило. Ну, думаю, все, сейчас параликом стукнет... Хорошо еще, что эта телефонная штуковина под рукой оказалась, – кивнула она в сторону лежащего на столике дешевого мобильного, – аккуратно я ее вчерась в розетку приткнула, чтоб током пропиталась, стало быть... Если б не эта штуковина, то и лежала бы, пока не околела. Со страху-то я и забыла, какие на ней пупочки надо нажимать...

– Ну, зачем уж вы так трагически... Вы же знаете, какую таблеточку надо принять. Вон они, таблеточки-то, на столе лежат. С утра принимали, кстати?

– Да принимала, принимала... Таблетку-то я выпью, дело не хитрое, а давление мне кто померяет? А сердце послушает? Если я старая, так уж и врача домой позвать не могу, что ли?

– Конечно, можете, Мария Семеновна. И правильно сделали, что позвали. Сейчас и давление померяем, и сердце послушаем. Не волнуйтесь. Скажите-ка лучше – картошку на огороде сами вчера копали?

– И-и-и, милая... А кто ж мне ее выкопает, коли не сама? Не в земле же на зиму ее оставлять! У меня ни деток, ни внуков нет, все сама... Это вон к Егоровне понаехала в прошлый выходной целая орава родни да и выкопали в один присест. А я все сама. Вчера целый день на огороде и прокорячилась, и все в наклон...

– Что ж, понятно...

Действительно, понятно. Перетрудилась бабушка. Систолическое до двухсот двадцати скакануло, да и нижняя граница не лучше. И таблетку наверняка не выпила, вон, блистер-то нетронутый лежит.

– Мария Семеновна, вы точно с утра таблетку принимали?

– Да я, ты думаешь, упомяну, что ли... Может, принимала, а может, нет. Ну, хочешь, давай сейчас приму...

– Давайте. А я вам воды принесу, чтоб запить.

– А может, лучше чаю попьем?

– Нет, спасибо, в другой раз.

– А чего у меня с сердцем-то? Послушала, и не говоришь ничего.

– Да в общем, ничего страшного. Аритмия есть, конечно... Но ничего, терпимо.

– Значит, грыза у меня нет?

– Какого... грыза?

– Ну, как это у вас по-умному называется... Когда нам, гипертоникам, совсем худо бывает. И голову болью грызет, и сердце грызет. В прошлом разе, когда Егоровне так же вот поплохело, сказали, грыз у нее...

– Ах, криз... Да нет, ничего, я думаю, все у вас обойдется. Вы полежите денек-другой, с постели не вставайте. И про таблетки тоже ни в коем случае не забывайте, хорошо?

– Ладно, ладно... А от чаю-то зря отказалась. Он у меня вкусный, с травками. И всякие печенья с мармеладами у меня есть, я в воскресенье до магазина сходила.

– В другой раз, Мария Семеновна. Меня больные ждут.

– Ага, ага... Ты вот что, милая... Ты, когда к Егоровне пойдешь, скажи ей, чтоб ко мне попозже заглянула. Скажи ей, что я, мол, вся прямо насквозь занемогши. Скажи, совсем почти померши. А то мы позавчера с ней повздорили маленько...

– И потому вы ей тоже врача на дом вызвали?

– Ну, а как же... Себе вызвала, и ей тоже. А чего зазря эту телефонную штуковину дважды-то теребить? Ты зайди, зайди к Егоровне, с тебя не убудет!

– Конечно, зайду, если вызвали.

– Ага. И сказать не забудь, что я вся насквозь больная!

– Скажу, Мария Семеновна. До свидания. Выздоровливайте.

– Да ладно, иди уж...

Пустое ведро опять гроыхнуло под ногами, пока она копошилась в темных сенцах. На улице по-прежнему моросило, и во дворе дома под этой моросью было как-то особенно неуютно. Мокрая жухлая трава, мокрая крыша завалившегося дровяного сарайчика. Лишь несколько астрочек, рассеянных у покосившегося забора палисадника, стойко таращили влажные цветные головки, словно отделяли себя от фона природного и человеческого увядания. Да, жалко, конечно, бабушку Марию Семеновну. А с другой стороны – что делать? С осенью, как и со старостью, не поспоришь...

Железная калитка во двор Марии Егоровны была задраена напрочь, ни веревочки тут не было, ни другого какого приспособления, чтоб открыть с улицы. Пришлось стучать. Сначала костяшками пальцев, потом кулаком, потом и каблуками ботинок наддать.

– Да слышу, слышу, кто там такое хулиганство развел среди бела дня... Иду, не чуете, что ли? – послышался, наконец, недовольный сипловатый голос с другой стороны.

– Мария Егоровна, это я, врач из поликлиники, я по вызову к вам пришла!

Что-то звякнуло с той стороны калитки, и она со скрипом отворилась, явив удивленное мясистое лицо подружки Марии Семеновны.

– Это по какому такому вызову? Ты, милка, поди, попутала чего?

– Да ничего я не попутала! Это ваша соседка, Мария Семеновна, вам вызов врача организовала. А мне что, я обязана, если вызов поступил...

– Ахти, окаянная! Да кто ж ее просил-то? Хоть бы упредила заранее, что ли... Ты уж извини, милка, мне вроде как и без надобности...

– Что значит, без надобности? Хотите, чтобы я ложный вызов оформила? – плеснулось из нее легкое невольное раздражение, отчего полное лицо старухи вдруг поплыло в испуге.

– Ой, а у меня и впрямь, знаешь, голова сегодня будто шаром опухает... Давление, наверное, подскочило. Кажись, магнитную бурю обещали, а?

– Не знаю. Дайте мне в дом пройти, Мария Егоровна. Мне вас осмотреть надо, запись в карточке сделать.

– Да проходи, проходи, конечно... Только я это... Беспорядок у меня, не обессудь...

Двор у Марии Егоровны был – хозяйству Марии Семеновны не чета. Все чистенько, ухожено, дровяная поленница под крышей аккуратная, хоть картину с нее рисуй. Высокое крыльцо под ногами не скрипнуло, добротные двери будто сами собой отворились.

Ступив в орущую телевизором кухню-прихожую, она усмехнулась понимающе, ткнув-шись глазами в причину старухиногo смyтeния. На столе, в окружении тарелок с пирогами-соленьями, нагло хозяйничал объемистый пузатый графинчик с темной жидкостью, наполовину опорожненный. Дух от графинчика шел самый что ни на есть крепко алкогольный, даже носоглотку от него перехватило.

– Та-а-а-к, Мария Егоровна... Опять выпиваем, значит? Давление, говорите, подскочило? Голова шаром опухает?

– Так я это... Я же маленько, чисто для душевного удовольствия да для аппетита. Это ж не просто так, это настойка лекарственная, с калгановым корнем. Хочешь попробовать?

– Нет уж, спасибо... Да вы хоть понимаете, что с вашей гипертонией вообще спиртного ни грамма нельзя? Как вас лечить, если вы такие удовольствия себе позволяете? Хотите, чтобы на фоне алкоголя инсульт случился? Тем более, организм не молодой, сами должны понимать...

– Да понимаю я, милая, все понимаю! А только как не выпить, коли тоска берет? Вчера дочка со внуками приезжала, картошку всю выкопали, а сегодня у меня тоска...

– Да отчего ж тоска-то? Наоборот, помогли вроде...

– Ой, да ну их... У меня опосля их приезда всегда стряс происходит.

– Стряс? Какой стряс?

– Ну, это когда сильная переживательность на нервной почве душу сотрясает... Да как ты не знаешь-то? Грамотная, а умных слов не знаешь!

– А... Вы, наверное, стресс имеете ввиду...

– Да какая разница? Я ж говорю – они табуном набегут в выходные, а я маюсь потом. Как не выпить от маеты-то?

– Ну, и в чем состоит ваша маета?

– Да как тебе объяснить, и сама не знаю... Вроде и хорошо все, и дом вот подправили, и на огороде все культурно стараются обустроить, а только... Понимаешь, будто уже и не хозяйка я здесь. Будто и не мой это дом, а дача их городская. Они и сами между слов проговаривают – все дача да дача. Чем больше под дачу устраиваются, тем больше я им мешаю. Ждут, когда я совсем копыта откину. Как тут мыслями не замаешься да от тоски не запьешь?

– А по-моему, вы все это себе напридумывали. Знаю я вашу дочь, и внуков ваших знаю, вместе в школе учились. Вполне нормальные ребята.

– Да кто ж спорит, милая? Конечно, нормальные. А только я им больше не нужна, им участок мой нужен. Я ж вижу, как они планы всякие рисуют, новый дом строить хотят. И глаз от охоты горит, и меня пока девать некуда. Ай, да что там говорить... Знаешь, я иногда Семеновне-то завидую. Живет в своей хибаре, и никто на нее не зарится, и смерти невольно не ждет. Когда захочет, тогда и помрет Семеновна-то. Ее воля. А я...

Всхлипнув, старуха сотряслась крупным тяжелым туловом, прикрыла ладонью лицо. Потом, вдруг опомнившись, подняла на нее влажные, размытые хмелем глаза, спросила быстро:

– А чего это тебя вдруг Семеновна вызвала? Поплохело ей, что ль?

– Да. Давление подскочило. Она вчера весь день на огороде провела, картошку копала. Одна, без помощи. Так что неизвестно еще, кто из вас должен кому завидовать. Кстати, она просила вас к ней зайти.

– Ой! Так чего ж это я... Тогда я побегла к ней, что ль?

– Как это – побегла? Дайте я вам хоть давление померяю!

– Да леший с ним, не надо! Ты запиши там в своих бумажках, как у вас полагается, чтобы порядок соблюсти, а я уж побегу, ладно? Жалко мне Семеновну-то, одна совсем...

На улицу они вышли вместе. Переваливаясь с боку на бок, Егоровна заковыляла тяжелой утицей через дорогу, забыв от торопливости попрощаться. Ей же предстоял долгий путь – через переулочек на другую улицу, до самого ее конца, к новому адресату. По дождю, по хляби, мимо серых мокрых заборов. С грустными мыслями в обнимку.

Нет, и в самом деле, неужели оно того стоило – семь лет зубрежки, стараний, бессонных ночей, обмороков в анатомичке? А вспомнить хотя бы ту одержимость, которая обуяла и ее, и маму с папой относительно поступления после школы именно в медицинский? Казалось тогда, вся жизнь на этом сошлась. Почему? Что за гордыня местного сельского разлива ими тогда захороводила? Наверное, само по себе слово «врач» поманило – захотелось приобщиться к «высокому». Мы, мол, простые люди, а дочка у нас не абы как, с высшим медицинским образованием жить будет. Как на долгие семь лет впряглись в это сильно платное медицинское, так до сих пор не могут опомниться. Зато шею в гордыню тянут – выучили, мол, не отступились...

Вопрос только – зачем? С какого боку тут приобщение к «высокому» состоялось? Ну, врач, ну, терапевт... И что? Эка невидаль – полдня по вызовам бродить, бабушкам давление мерить, потом еще полдня на приеме сидеть... Нет, зарплата у врача для сельской местности ничего себе, конечно, вполне приемлемая. А только, например, ее одноклассница, парикмахерша Танька Селиванова, в своей «Моднице» гораздо больше зарабатывает! И в тепле весь день обретается, бреет-стрижет себе под музыку, и никакие вялые старушечьи животы ей пальпировать не приходится. И мимо серых заборов изо дня в день ходить – тоже.

Ее вообще в последнее время стала вдруг жуткая оторопь наступать – неужели все это с ней навсегда? Древнее здание поликлиники, неудобный кабинет на первом этаже с наполовину покрашенным белой краской окном, заборы, дворы родного села Одинцово? Пардоньте, поселка городского типа Одинцово, хотя ничего городского в нем нет? Неужели вся жизнь здесь пройдет, и не будет больше ничего?

Ответ для этой оторопи был один – да, именно так, ничего не будет. А что, собственно, еще и быть должно? Все уже вроде как состоялось, и вполне прилично. Диплом, работа, замужество, однокомнатная квартира в серой блочной пятиэтажке, что стоит на той самой единственной «городской» улице. Ну, может, детей еще запланировать... По возрасту вроде давно пора. А только... Не хотелось как-то о детях думать в этом безысходном контексте «уже состоявшегося». Не хотелось, и все! О чем-то другом думать хотелось. О... несостоявшемся, наверное. Какое оно на вкус и вообще что за предмет такой, это несостоявшееся в

«уже состоявшемся», она и сама точно не смогла бы определить. И вообще... О каком таком несостоявшемся можно вести речь, будучи коренной жительницей села Одинцово? Простите, поселка городского типа Одинцово?

Она вдруг поймала себя на том, что идет очень быстро. Распалила себя грустными мыслями и чешет по улице, уткнувшись глазами в землю. Замедлила шаг, скинула капюшон, отерла ладонью влажную шею в вороте куртки. Ого, а дождь-то перестал! Наверное, давно уже. Вон, и жиденькое солнце выглянуло, разогнало серые тучи. Интересно, надолго ли?

Подняв голову и подставив ладонь козырьком ко лбу, глянула в небо. В самой вышине, будто навстречу солнцу, красиво плыл косяк диких уток. Показалось даже, как уловило ухо тревожный зовущий крик, и сжалось сердце тоскою... Счастливые вы, глупые птицы! И она бы вот так... улетела. Только – куда? Кто и где ее ждет? Ее место здесь, безысходно и навсегда «состоявшееся». Нет, и впрямь, пора детей заводить, чего уж...

Ворота во двор дома по следующему адресу вызова были распахнуты настежь. Посреди – гора толстых березовых чурбаков и звук топора вкупе с характерным ядреным «кхеканьем», доносящимся откуда-то из глубины двора. Точно, мужичок наяривает, дрова рубит. Крепкий, жилистый, в засаленных брезентовых портках и майке на голое тело. Сейчас маханет топориком, и полешко аккуратно ей под ноги полетит...

– Извините! Можно я вас оторву от работы на минутку? – звонко проговорила она, невольно делая шаг назад.

Распрямившись, мужичок уставился на нее удивленно, потом, надрывно кашлянув, потер лапищей лоснящуюся от пота грудь. Хотел что-то сказать, да снова зашелся кашлем, взглядывая на нее в крайнем смущении.

– А вы, наверное, врач, да? – наконец просипел он, тюкнув топором в оставшуюся половинку чурбака.

– А вы, наверное, больной Кузин, к которому этого врача вызвали? Так надо полагать? До прихода врача решили порезвиться немного?

– Это вы про дрова, что ль? Ну так... Все равно же с ними когда-то управляться надо, с дровами-то... А врача я не просил, это Валька вызвала, жена моя. Говорил ей – не надо, так разве с ней, с настырной, поспоришь... С работы, наверное, в поликлинику позвонила. Простите, неловко вышло, при нашей бедности да такие нежности. Еще и врача на дом... Ну, Валька, ну, зараза...

– Ладно. Идемте в дом, я вас осмотрю. А насчет неловкости... Если уж вам так неловко, могли и сами на прием в поликлинику подойти.

– Я? Сам? Ну да... Я сроду по вашим больницам не таскался, еще чего! Да на мне пахать можно, какие приемы-поликлиники?

– Понятно, понятно... Идемте. Температуру давно мерили?

– Еще чего! У нас и градусника в доме отродясь не было. В нашей семье все мужики, как кони, здоровые. И поликлинику вашу я в гробу видал, честнее слово.

– Хорошо. В гробу так в гробу. Покажите мне, где можно руки помыть.

– Так в кухне... А то в бане еще можно, там вода с вечера теплая осталась. Я вчера от души парился, да не помогло, видать. С утра опять в груди все свистит.

– Нет, я лучше в кухне. Ну, идемте?

Она долго мыла руки холодной водой, успевая с любопытством обозреть незнакомое помещение. Надо сказать, очень приличное помещение для обычного бревенчатого дома. Вообще-то глаз давно к другим кухонькам привык – неказистым, тесным, заставленным немудреными предметами сельского обихода вроде цинковых бидонов да эмалированных тазиков, с линялыми скользкими кленками на столах, с видом из маленького окошка на огородные грядки с луком. А здесь – прямо лепота, как на лубочной картинке. Все кругом чистым деревом обшитое, светлое, праздничное, и кухонный гарнитур такой миленький, видно, что самодель-

ный, но с большим вкусом сделанный. Около раковины – полотенце свежайшее, с красными вышитыми петухами по краю. Молодец, Валька, жена больного Кузина. И за домом следит, и за мужем. И впрямь, чего ему болеть, такому хорошему хозяину?

А со здоровьем у больного Кузина оказалось из рук вон плохо. Температура – тридцать восемь с копейками, дыхание усиленное везикулярное, с явной бронхофонией. А с другой стороны...вроде и шум трения пораженной плевры слегка прослушивается. Еще и артериальное давление вдобавок низкое. Неужели на пневмонию похоже?

– Так... Я вам сейчас рецепт на хорошее жаропонижающее и антибиотики выпишу, пусть жена в аптеке купит. А пока – постельный режим, теплого питья побольше, ну и народные средства, конечно. Травки, ингаляции, растирания. Но главное – про антибиотики не забудьте! Флюорографию давно делали?

– Да я ж вам говорю – сроду по больницам не шастал...

– Хорошо, хорошо. Только завтра надо обязательно анализы сдать и рентгеноскопию сделать. Вот, я вам направление выписала. Надо пневмонию исключить.

– Это что, к вам в поликлинику, что ли, переться?

– Ну да. Если дрова рубить можете, то и до поликлиники, я думаю, дойдете.

– Да куда я не пойду! Видал я вашу поликлинику, знаете, где?

– Знаю. В гробу. Но идти все равно придется.

– Не пойду!

– Что значит, не пойду? – начала она терять остатки терпения. – Если не пойдете, я вам больничный не выпишу!

– Да и не надо... На хрен он мне сдался, ваш больничный? Я уж два месяца как безработный, по сокращению штатов из нашей ремонтной мастерской выгнали... Двадцать лет оттрубил с благодарностями, и выгнали! Загибается мастерская-то, заказов, говорят, нет. Теперь вот у Вальки на шее сажу, как подлый хмырь какой. Оттого и прихворнул, наверное. На нервной почве. Я уж и по дому всю работу переделал, а дальше как быть, не знаю... Нету у нас в Одинцово работы. Так что не пугайте меня больничным, он мне без надобности...

– Ну, хорошо. Не буду пугать, извините. А только...если совсем разболеетесь, лучше будет вашей Вальке от этого? Поверьте мне, нисколько не лучше... Дайте-ка мне ее телефон, я ей сама позвоню.

– Да ну...

– Диктуйте, я записываю!

Ох, как у нее это строго-отчаянно прозвучало! Прямо с металлом в голосе! Может, потому, что ситуация слишком уж до боли знакомая. Такой знакомой оказалась ситуация, что зашкалила солидарностью к неведомой Вальке, хотя ничего страшного с ее хозяйственным мужичком пока и не произошло... И не дай бог, конечно.

На улице вроде как снова дождь проклюнулся. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто. Настроение – хуже некуда. Еще и больной Кузин со своей женой Валькой тоски нагнали, собственная боль-досада ассоциативно припомнилась. И чувство вины тут же подняло голову, толкается неуютием в подреберье.

Нет, будь оно в самом деле неладно, это ее высшее медицинское образование! Родители из последних сил выпрагались, чтобы семь лет за него платить! Отец, наверное, оттого и боли желудочные терпел, скрывал до последнего. Как же – работу потерять боялся. Вот и добоялся – отрезали половину желудка, на инвалидность отправили. Теперь дома сидит, страдает чувством мужичкой неприспособленности. Как он сам говорит – «камнем повесился на шее у Катеньки», у матери, то есть. Хотя мать всячески его и поддерживает, плещет из себя оптимизмом, «моим домохозяином» называет. Всем подряд хвастает – приду, мол, с работы домой, щи наварены, кругом чистота и порядок... Хвастает, а в газах – тоска и усталость. А иногда

и раздражение пунктиром проскакивает. Нет, зачем уж хвастать-то? Оно и без того понятно, что ничего тут хорошего нет...

Кстати, зайти к ним, что ли? Вон родительский дом, почти по пути, только надо крюк небольшой сделать. И пообедать заодно, щец горячих отцовских похлевать...

* * *

– Пап, ты где?

Голос отозвался звонким эхом из глубины дома. Прислушалась. Тишина. Наверное, в огороде копается. Отогнула занавеску на окне – точно, вон его согбенная спина виднеется меж картофельных рядов. Стукнула костяшками пальцев в стекло, призывно махнула рукой. Отец распрямился, держась обеими руками за поясницу, расплылся в улыбке, мелко и часто закивал головой – сейчас, сейчас, иду... И тут же потрусил торопливо меж грядками, отряхивая на ходу руки.

– Чего дверь в дом не запираешь? – проворчала она, встретив его в кухне. – Заходите, люди добрые, берите, что хотите?

– Так от кого нам запирается-то, дочка? Здесь все кругом свои... Обедать будешь? Я разогрею?

– Давай. А что у тебя на обед?

– А все, как обычно. Щи есть, картошка с мясом есть. Могу еще салат из помидоров нарезать.

– Да ну... Из ушей уже твои помидоры лезут. Зачем ты их столько выращиваешь? Вон, две теплицы отгрохал... Зачем?

– Да как это – зачем? Ты что, Анютка? Ты знаешь, сколько я банок нынче закрутил? Загляни в подпол – глаза разбегутся! И нам с матерью на зиму хватит, и вам с Лехой. И огурцов бочковых полно, и капустки квашеной... По морозцу свиной забьем, всю зиму с мясом будем. Так что в магазин можно и не ходить, деньги целее будут. Глядишь, и вам какую обновку в дом справим...

– Нам ничего не надо. У нас все есть.

– Сейчас, может, и есть. А как народите ребеночка, так и понадобится. Когда нас с мамой, наконец, обрадовать собираетесь? А то помру, и внуков не увижу...

– Пап! Хватит уже, а? – с неожиданным для себя раздражением резко повернулась она к нему. – Ну чего каждый раз об одном и том же?

– Не буду, дочка, не буду... Не сердись. Чего ты на меня, старого дурака, обижаешься? Давай лучше обедать будем...

Торопливо ополоснув руки, он засуетился у плиты, бестолково перебирая в руках половник с тарелками. Было в этой суете, кроме радости свидания, и еще что-то, весьма настораживающее. Вон, тарелку со щами к столу понес, а руки дрожат мелким тремором. И цвет лица нехороший, на щеках кирпичом румянец горит. И голос тоже нехороший – виновато-дребезжащий какой-то...

– Пап... Ты опять с утра принял, что ли? Тебе ж нельзя, ты что?

– Да знаю, знаю, что нельзя... Просто мне так легче, дочка. Замучил я вас всех...

– Да чем ты нас замучил-то, господи?

– Ну как, чем... Думаешь, легко у своей бабы на шее сидеть, да? Она вон в полторы смены вкалывает, а я дома сижу, как старый трухлявый пень...

– Ничего себе, пень! А в своем хозяйстве что, работы меньше, что ли?

– Нет, не меньше. Только денег за нее не платят. У мамы вон завтра день рождения, а мне и подарить ей нечего. На какие шиши я тот подарок куплю? У меня пенсия по инвалидности – с гилькин нос...

– Так давай я дам...

– Не, не! – проворно замахал он на нее руками. – Еще чего! Чтобы я у родной доченьки еще и денег клянчил! Не бывать этому!

Лицо у него при этом сделалось такое испуганное, будто его уличили в чем-то совсем уж постыдном. То ли досада, то ли жалость сунулись ей комком в горло, и пришлось быстро склониться над тарелкой, зачерпывая ложкой щи и торопливо отправляя их в рот. Горячие! Так обожгло глотку, что слезы сами невольно из глаз брызнули...

– Осторожно, Анют! – сунулся к ней через стол отец и зачем-то по спине ладонью похлопал, будто она подавилась. – Холодной водички дать? Что ж ты так неосторожно-то...

– Ничего... Ничего, пап... Сама виновата... – просипела она через полуулыбку, махнув рукой.

– А ты сметанки, сметанки добавь! – быстро рванул он к холодильнику, доставая банку с домашней сметаной. Поставил ее перед ней, глянул в глаза искательно: – Со сметанкой не так горячо будет...

И опять ей сделалось неуютно от этой его торопливости, и жалость куда-то ушла, снова уступив место невольному раздражению. Нет, ну чего он так суетится, в самом деле? И преданность эта в глазах... Собачья какая-то.

– Пап... А гостей завтра много будет? Опять полный дом?

– Так наверное... Родню надо позвать, соседей... И с работы люди придут. Ты же знаешь, как маму на производстве уважают!

– Ой, да какое там производство, на птицефабрике! Тем более, она к нему никакого отношения не имеет. Она ж всего лишь ветврач!

– Почему – ветврач? Она, между прочим, начальник лаборатории!

– А... Ну, извините... Это, конечно, меняет дело...

– Анют...? Ты что, не в духе сегодня, да? Неприятности какие на работе?

– Да нет у меня никаких неприятностей! Просто... Погода плохая, дождь идет. Оттого и настроение скверное. Ты извини, пап...

– Да ничего, дочка. Так всегда и бывает – сегодня плохое настроение, а завтра, глядишь, хорошее будет. Завтра праздник у нас, пир на весь мир закатим! Я салатов нарежу, пирогов напеку, вкусного холодца наварю... Леха твой любит холодец, я знаю.

– Пап, ну какой он тебе Леха? Не зови его так! У него нормальное имя есть – Алексей, Алеша...

– Да? – снова вскинул он на нее блеснувшие виноватостью глаза. – Ну ладно, как скажешь... Просто привыклось этак-то, по-свойски. Мы ж его с малолетства знаем, Леху-то. Все Леха да Леха...

– Ладно, пап, пошла я. Спасибо за обед, – сердясь на себя, быстро поднялась она из-за стола.

– Так не поела ж ничего...

– Наелась, спасибо.

– А чай?

– Не хочу. Да и некогда уже. У меня еще два вызова, потом прием в поликлинике. До завтра, пап...

– До завтра, доченька! Да, вот еще что...

– Что, пап?

– Ты маме подарок еще не покупала?

– Нет...

– А ты купи ей, доченька, ботики... Она в магазине вчера себе ботики присмотрела, да денег пожалела, не купила. Они, говорит, одни там такие, с черными пуговками по краю... Да соседская Ирка тебе подскажет, она там продавцом работает! Мама говорит, уж как эта

Ирка уговаривала ее ботики купить... Дешево, говорит, всего полторы тыщи! А мама пожалела отдать... Ничего себе, говорит, дешево... Такие деньжищи...

– Да, пап! Да, куплю обязательно! Спасибо, что подсказал... Я пойду, пап...

Она почти бегом выскочила с родительского двора, быстро пошла по улице, подставив лицо мелкой холодной мороси. Кто-то прошел мимо, кивнул головой, и она поздоровалась, улыбнувшись автоматически. Нет, зачем она к отцу заходила? Только еще больше расстроилась. Да еще и с собой толком не справилась, раздражаться начала. Все-таки жалость – плохое чувство. Когда его много, всегда в конечном итоге раздражением оборачивается.

Мерзкое, кстати, состояние организма – раздражение. Будто сверло внутри крутится, наматывает на себя тонкие веточки нервов. «Новопассита» на ночь попить, что ли? Хотя нет, не спасет... От безысходности Одинцовской жизни уж точно не спасет. И что это вдруг нынешней осенью на нее накатило? Ну, Одинцово, ну, жизнь. Да, ожидать от нее больше нечего. Не будет больше ни больших планов, ни радостей. И ладно. Какие уж такие радости... Хорошо маме – она хоть ботикам с кнопочками обрадуется «за полторы тыщи, бешеные деньжищи», и на том спасибо...

В грустной задумчивости она чуть не прошла домик веселой вдовушки Мани Блинковой. Очнулась, когда из-за огородной изгороди вдруг возникло женское лицо в платочке, и любопытный голос окликнул:

– А вы, поди, из поликлиники, в Маньке, поди, идете?

– Да, я к Блинковой по вызову, а что? Ее дома нет?

– Да куда ж она денется, дома сидит, конечно... И не надело вам туда-сюда к этой бесстыжей морде прохаживаться?

Женщина за изгородью явно жаждала интересного для себя разговора, так и распирало ее про Маньку посплетничать! Не дождавшись ее реакции на инсинуацию относительно Манькиной «бесстыжей морды», торопливо, вздохнув, продолжила:

– Она ить, Манька-то, дурит вас по-черному, а вы все ни в одном глазу! Ей-то что, ей лишь бы не работать! Третьего дня опять гулянку с мужиками в доме устроила... И ладно бы, с холостыми какими, так нет же, все норовит женатых с толкового пути сбить! Прямо как медом у ней в дому намазано... Я уж дочке своей наказала – смотри, говорю, за мужиком-то... Сплошные безобразия эта Манька творит, а вам и дела нет!

– Ну, с этим вопросом не ко мне, пожалуйста. Относительно безобразий вам, наверное, к участковому надо.

– Ну да, будет он с ней разбираться, как же... Он и сам у Маньки любимый гость... А вот вы зря, зря ей потакаете!

– Да чем же я ей потакаю?

– А зачем по всякому разу больничный выписываете? Думаете, она и впрямь такая больная, да? Давление, думаете, у нее, да? Гипертония? Да знаю я, как она себе это давление отчебучивает! Сделает по огороду двадцать кругов бегом, потом кофею три стакана жажнет, вот и давление! Я сегодня утром сама видела, как она вокруг огорода наяривала! А вы уж – и рады стараться!

– Ну, хорошо, хорошо, разберемся...

– Вот и пожалуйста, и разберитесь с ней раз и навсегда! На ней, на кобыле, пахать надо, а она только место рабочее занимает... Люди годами без работы сидят, а эта... Да вон, и Лариска из дома напротив тоже мои слова подтвердит... Сейчас я ее кликну...

Ага, только возмущенного женского собрания ей в конце рабочего дня не хватает! Надо быстрее в Манином дворе скрыться, от греха подальше...

Манина «бесстыжая морда», обвязанная по лбу скрученным в жгут белым платочком, уже выглядывала из приоткрытой двери дома. В глазах – смесь испуга и настороженности, рука картинно прижата к темечку.

– Здравствуйте, Мария Николаевна. Ну, что у нас на сегодня? Рассказывайте... – проходя следом за ней в дом, не удержалась от усталой насмешливости.

– Так голову разломило, прямо искры в глазах... Давление наверняка подскочило... Никакого терпения уже нет!

– А зачем вокруг огорода бегали?

Манин взгляд нырнул сначала вверх, будто пытаясь спастись под жгутом белого платочка, потом вбок, и лишь потом, набрав силы и выпучившись праведным возмущением, ткнулся ей в лицо.

– Я?! Да вы что, Анн Иванна, вы кого слушаете! Они еще и не такого на меня наговорят! Да они только и мечтают, чтобы я сдохла побыстрее, вот была бы радость в жизни... Не люди, а прям злые собаки, ей богу...

– Чего ж она вас так не любят, а, Мария Николаевна?

– Так понятно, чего! Завидуют!

– Чему завидуют?

– А вроде как жизнь моя им поперек горла стоит. Да я и не скрываюсь – легко живу, лишние трудности себе не придумываю... В огороде не надрываюсь, вдовьим платком голову не обматываю. Ну, похоронила я своего мужика, так уж пять лет с тех пор прошло! Не люблю я тоскливой да серой жизни, Анн Иванна... Хоть убей меня, не люблю! Мне чутка повеселее жить охота... А им же надо, чтоб я, как они! А я не хочу. Вот и завидуют.

Ага, вот они, сермяжные отголоски ее безысходного настроения! Выходит, и Маня от той же проблемы страдает... Смешно, однако. Может, и ей какое веселье себе придумать? Смешно...

– Значит, ваше постоянное стремление посидеть на больничном – тоже элемент веселой жизни? Так я понимаю? – спросила, строго сведя губы, чтоб не улыбнуться.

– Ой, да что вы... Да вы померьте, померьте мне давление-то! У меня же самый что ни на есть криз!

Маня с готовностью задрала рукав халата, плюхнула перед ней на стол белую полную руку. Ухватившись за темечко, сморщилась, застонала вполне натурально. Вот и разбери ее, эту Маню... Давление-то и впрямь повышенное... Можно, конечно, посидеть рядом с ней с полчаса, подождать... Если давление родом из огорода, да еще кофейком подстегнутое, то за полчаса полноценного отдыха может и в норму прийти... А с другой стороны – связываться с Маней неохота. Ну, пусть ее! Что она ей тут, морали читать будет? Из-за трехдневного больничного? Пусть у Мани трехдневный праздник безделья-веселья будет, наперекор злым соседкам... Если женщина хоть таким образом умудряется жизни радоваться, пусть ее!

– Ладно, Мария Николаевна... Через три дня придете ко мне на прием, а там посмотрим. Лежите, отдыхайте.

– Ой, спасибо вам! Ой, то есть... Ну да, конечно, буду лежать... Вот сейчас прямо и залягу...

– Всего доброго, выздоравливайте.

Радостный Манин взгляд толкнулся в спину. Казалось, даже веселенькие обои на стенах запрыгали глазками и лапками, провожая ее до прихожей. И во дворе у Мани тоже было – весело. На фоне общего дворового запустения, покосившегося сарайчика да кое-как сложенной поленницы, проглядывали островки беззаботного устройства жизни – скамейка-качалка, осыпанная листьями рябины, костровище, любовно обложенное камнями, в глубине проглядывалось что-то вроде легкомысленной резной беседки с одноногим столом. Тут, надо полагать, и происходят «сплошные безобразия», вызывающие соседскую гневливость. Ну да... Вон, в траве, забытые шампуровые вилы брошены...

Выйдя со двора, она торопливо прошествовала мимо собравшихся в стайку блюстительниц Маниного морального облика, не удостоив их даже и взглядом. Такая вот искорка солидар-

ности к Маниной концепции жизнеустройства вдруг вспыхнула. Глупо, конечно, ну, да ладно... Теперь еще один вызов, и все на сегодня. И – домой. Мужу щи варить...

* * *

Свалив нашинкованную капусту в кипящий бульон, она накрыла кастрюлю крышкой, привычным движением бросила разделочную доску в раковину. И нож должен был этим путем отправиться, но выскользнул из руки, со звоном свалился на пол. Значит, какой-то мужчина должен ступить на порог, примета такая есть. Только не для нее, наверное. Какой еще мужчина сегодня может порог переступить, кроме родного мужа? Для него, для Лехи, и щи на плите варятся. Эти пресловутые щи, атрибут счастливой семейной жизни. Женское обязательство, подхваченное, как флаг, из собственной семьи – для мужчины-работника должны быть к вечеру сварены щи, хоть тресни от собственной усталости, а должны, и все тут...

Интересно, сколько раз за всю жизнь каждая женщина проделывает вот эту нехитрую манипуляцию – разворачивается от стола к плите, чтобы ссыпать в кипящий бульон капусту с разделочной доски? Кто-нибудь этим унылым подсчетом интересовался? Искал в нем какой-то смысл? Хотя... чего его особо искать-то. Нет здесь вообще никакого смысла. Женская обязанность есть, а смысла по большому счету нет. Потому что все заранее определено и в обыденный жизненный ряд уложено – работа, усталость, дом, щи, крепкий сон. И с утра все сначала – работа, усталость, дом... И так далее, пока из этого ряда по достижении законного пенсионного возраста не выпадет первое и основное звено – работа. Сам ряд, конечно, нарушится, а щи все равно останутся! Горячие непобедимые русские щи с капустой! И с запахом тоже непобедимым, захватывающим в один момент все крохотное пространство однокомнатной квартиры-клетушки.

Вот руки бы оторвать тому архитектору, кто эти клетушки в свое время спроектировал! Чем этот умник руководствовался, интересно? Наверное, тем обстоятельством, что негоже сельскому жителю в хоромы прохлаждаться? А что, действительно... Чего ему еще нужно, этому сельскому жителю, кроме работы, усталости, щей да крепкого сна? Крохотулька-кухонька есть, место для кровати есть, и хватит с него.

Наверное, даже в самом словосочетании – сельский житель – уже слышится что-то уничижительное. Вроде как материал явно человеческий, но второго сорта, хоть и пыжится в последнее время городскими привычками. За продуктами в «супермаркет» ходит, бреется в «салоне красоты» и даже в бильярд играет в «развлекательном центре», то есть в бывшем облеслом клубе. Но разве от красивых названий что-то меняется? Здание поликлиники, к примеру, как было развалюхой, так и осталось. И дороги такие, что осенью без резиновых сапог не пройдешь. А эти бревенчатые домишки на улицах, как оскорбление всему институту частной собственности?

Ах, как она мечтала еще со школьных лет уехать от всего этого подальше! И медицинское образование потому только выбрала, что не предусматривает оно заочной формы обучения. Казалось, надо только поднапрячься посильнее да поступить, а там и откроются дали дальние с городскими культурными перспективами. Потому и Лехины школьные ухаживания напрочь отвергла, хоть и нравился ей этот парень, чего уж греха таить. Он всем девчонкам тогда в школе нравился. Высокий, красивый, ладно скроенный, на артиста Михаила Евдокимова в юности похож. (Как-то увидела в одном журнале его юношескую фотографию, и даже мороз по коже прошел – ну чистый Леха!) Одно только ей в своем школьном ухажере не нравилось – был Леха парнем совсем «Одинцовским». На корню. Дальше перспективы сходить в армию да покрепче обосноваться в родном болоте в его планах и не просматривалось. Так после школы и разбежались, она – в институт, отвергнутый Леха – в армию. Правда, он и оттуда ей письма на родительский адрес писал...

А ей в городе совсем не до Лехиных писем было. Училась трудно, зубрила ночами, еще и санитаркой в больнице умудрялась подрабатывать. Одеться же красиво хотелось! Впечатление на городских парней произвести! Ну, и замуж, конечно... Не то чтобы за первого попавшегося выскочить, а с большим смыслом хотелось к этому вопросу подойти. Как мама любила говорить – с чувством, с толком, с расстановкой. Хотя у мамы, чего уж греха таить, вся эта мудрая композиция, то есть чувство, толк и расстановка именно в адрес Лехи и предназначались... А как же – парень-то свой, Одинцовский!

Но чаяния свои относительно «своего» Лехи мама, надо отдать ей должное, все же держала при себе. Лишь иногда, в разговоре, обиняком, пыталась Леху прихвалить... А она лишь отмахивалась – да ну, мам, какой Леха! Тогда и впрямь казалось – какой... Ну да, есть такой. Ну, письма из армии пишет. Ну, отслужил, домой вернулся, в гости к родителям заходит, про нее спрашивает... Да пусть, ей-то что до этого? Столько интересных парней вокруг, своих, институтских! Вот где надо себе мужа присматривать! И желательно с городской пропиской. И со взаимной любовью, конечно же. Потом в приличную больницу после ординатуры попасть... А потом бы и жилплощадь каким-то образом организовалась, городская, благоустроенная. С ванной в кафеле, с нежными пушистыми тапочками в прихожей, с воркованием городского шума в открытую форточку. И никаких цинковых ведер, картофельных грядок и ржавых бочек для сбора дождевой воды! И весенней грязи на улице! И зимних сугробов во дворе, которые надо разгребать неуклюжей деревянной лопатой!

Чем ближе подступал конец учебы, тем сильнее ее заклинивало на «городской» мечте. И не было, наверное, в этом ничего предосудительного – всех поселковых девчонок на ней заклинивает! Бывало, оказавшись по случаю в чужом квартирном благоустройстве, когда, к примеру, кто-то из «городских» на день рождения приглашал, она исподтишка и с удовольствием всматривалась в детали этого благоустройства, подмечая для себя всякие мелочи – как мебель удачно расставлена, как портьеры спускаются красивыми складками, из каких цветов композиция на балконе составлена. В голове только эти красивые слова и вертелись – портьеры, композиция... (Хотя вот мама, к примеру, никогда бы не сказала – портьеры! Обязательно сказала бы – шторы, или того хуже – занавески...) Все это разглядывание волновало ее необычайно, детали чужого быта запоминались, будто сами собой укладывались в копилочку под названием «прекрасное будущее». Свое, собственное, квартирно-благоустроенное. С мужем, с работой, с детьми. С летними наездами к родителям в Одинцово. Просто – на выходные. Просто – в гости...

Как быстро семь лет учебы пробежали, она и опомниться не успела. Нет, были, конечно, варианты и для городского замужества, да только концы с концами как-то не сошлись. То сам «вариант» ей совсем не нравился, то родители другого «варианта» на дыбы встали – не надо нам в невестки поселковую лимиту! Хотела было в хорошей больнице после ординатуры закрепиться, да тоже без прописки не взяли. В институте выдали диплом на руки, и гуляй новоявленный врач-терапевт Анна Приходько, куда глаза глядят! А куда им еще глядеть-то, в какую такую сторону? Кто и где ее ждет? Только в родительском доме и ждут, все глаза проглядели. И в поликлинике Одинцовской – всегда пожалуйста, приняли с распростертыми объятиями. Потом, как выяснилось, и Леха своего часа тоже упорно ждет. (Столько лет, это ж надо!) С одной стороны, конечно, приятно, а с другой...

Она долго его еще за нос водила, вымещала свою неудачу. Нет, вовсе не злое это было «вымещение» – просто игривая веселуха какая-то. Знала уже, что замуж за него пойдет, а все равно за нос водила, испытывая странное удовольствие от глупого кокетства. Но, в конце концов, женщина она или нет?

Конечно же, он ей нравился. Как-никак, первая школьная любовь. А это, между прочим, дорогого стоит. Не зря же в песнях поется, что первая любовь самая искренняя и не забывается никогда? Но покоевряжиться-то надо было немного?

На фоне этого «покочевряться» она ему однажды и заявила – пойду, мол, за тебя замуж, если квартира в доме на центральной Одинцовской улице у тебя будет! Не хочу в частном доме с огородом жить! Такие вот мои условия будут, и делай с ними, что хочешь!

Ну, Леха и сделал... Под стоны своих отца с матерью продал наследственный дедов дом-пятистенок, вот эту квартиру в пятиэтажке купил. Перед самой свадьбой аккуратно документы оформили, и он внес ее в эту клетушку торжественно на руках, сияя глазами от счастья и выполненного невестинного каприза. И зажила молодая семья в квартирном благоустройстве. Относительном, конечно, как потом выяснилось.

Не та оказалась квартирка-то, явно не из ее городских мечтаний. Все в ней было будто игрушечное, для нормальных людей не приспособленное. Для лилипутов, что ли, строили? Кухня-крохотулечка, комната-клетушка. Санузел до такой степени совмещенный, что и кафельную красоту в нем наводить расхотелось, все равно пародией на комфорт будет смотреться. И вообще... Неуютно она себя чувствовала хоть в маленьком, но все же благоустройстве. Не то, все это было не то! Главного чего-то не хватало. Жила, как на бессолевой диете сидела. Хоть и не голодно, но маотно.

Ага, вот и дверной звонок тренькнул, голодный муж с работы пришел. Открыла ему дверь, отступила на шаг, стала смотреть, как он поворачивается по-медвежьи в крохотной прихожей, освобождаясь от набухшей дождем куртки. Надо бы постирать ему куртку-то, совсем солярой пропахла.

– Леш... Дай-ка куртку, я ее в машину засуну. К утру, думаю, высохнет.

– Так недавно же вроде стирали...

– Дай, говорю!

– Да ладно, ладно, чего ты... Погоди, права из кармана достану. А то постираешь с правами, как в прошлый раз. Помнишь? Мне в рейс надо, а права в нерабочем состоянии!

– Да помню, помню... И ничего особенного с твоими правами тогда не случилось. Ну, размылись немного, подумаеть...

– Ага. Это ты начальству моему объясни – про немного-то. Хорошо, что теща за меня заступилась, она на нашей птицефабрике свое слово имеет. И вообще... Если б не теща, меня бы и на работу не взяли... Она, родненькая, за меня слово замолвила. Сама знаешь, как у нас тут с работой – десять мужиков на одно место. Легче в твой медицинский поступить, чем в Одинцово на работу устроиться.

– А ты прям так гордишься рабочим местом, будто оно твое главное жизненное достижение!

– А что, может, и главное... Работа есть, жена любимая есть, чего мне еще? Или... Погоди, как там? Надо еще сына родить, дерево посадить да дом построить? Так и это все сделаем! Кстати, о доме, Анют... Мне на эту тему как раз с тобой поговорить надо.

– Что, прямо сейчас? И ужинать не будешь?

– Почему, очень даже буду... Вот за ужином и поговорим. Чую, у тебя щами пахнет...

– Да, все готово уже. Хорошая жена хорошему работающему мужу щей наварила, все глаза проглядела, ожидаючи. Иди, работающий муж, мой руки, за стол садись. Наворачивай свои законные щи.

Он глянул на нее несколько настороженно, уловив в голосе раздраженные нотки. А ей вдруг не по себе стало – чего вдруг ошетичилась? Он же и впрямь – голодный.

– Ань... Ты чего? На работе, что ль, неприятности?

– Дались вам всем эти неприятности... Нет у меня никаких неприятностей. Все нормально, Леш, не обращай внимания. Чего-то я сегодня...взгрустнула немного.

– А... Ну ничего, бывает.

Крепко усевшись за стол, он с аппетитом принялся наворачивать горячие щи, сопровождая каждую отправленную в рот ложку специфическим прихлебывающим звуком. И хлеб не

кусал, а будто рвал зубами. Она присела напротив, стала смотреть, как он ест. Нет, вовсе ее не раздражал процесс Лехино одержимого насыщения. Наоборот, нравился даже – экая красота сермяжной мужицкой породы! А что правилам хорошего тона не обучен... Да уж, простите, не обучен. Здесь все так едят. И представить даже такую картину невозможно, чтобы Леха вдруг начал маленькими кусочками хлеб откусывать да вальяжно ложку с супом ко рту подносить. Природа, мать вашу, против нее не попрешь.

– Там еще курица жареная на сковородке... Будешь?

– Не-а. Мне эта курица уже поперек горла стоит. На птицефабрике в обед курица, дома курица... Скоро кудахтать начнем всем семейством. Ты мне лучше щец еще плесни, а?

– Как скажешь. Щец так щец.

Она поднялась с места, взяла его пустую тарелку, сделала полшага к плите, едва протиснувшись между столом и холодильником. Нет, до чего же кухонька маленькая, честное слово! Если еще в расчет взять, что они с Лехой люди не мелкие.

– Ань, я чего с тобой поговорить-то хотел... Может, участок под дом возьмем? – осторожно спросил он, принимая из ее рук тарелку.

– Какой участок? И какой дом? Ты о чем Леш, я не поняла?

– Так это... Мне сегодня напарник сказал, что на фабрике участки выделять собираются под частное строительство. Ну, я и подумал... А что, Ань? Пока детей нет, надо строиться! Я уж и с мамой твоей посоветовался, она очень даже одобрила!

– Ты что, совсем рехнулся? Какой участок, какой дом? Где деньги, Зин?

– Ань, да ты что! Тут же, главное дело, стоит только ввязаться, а там уж потихоньку все само собой пойдет! Мы ж оба работаем, и родители мои помогут, если что... Да мы с братьями соберемся – уже и бригада целая! Давай, а?

– Да ну... Ты представляешь, какая сразу возня начнется? Нет, не хочу... Да и не потянем мы.

– Потянем, Анюта, потянем! Ну что мы здесь, в этой коробчонке, всю жизнь задницами толкаться будем? Побаловались, и хватит. А в доме мы сразу два этажа забабахаем... А может, и три! Там все будет, и теплый туалет, и благоустройство всякое! И огород большой!

– Не хочу я никакой огород...

– Ну так и не надо, если не хочешь! Мы же все культурненько можем сделать, цветочки там всякие, кустики, или травкой засеять по-модному. Ну правда, Ань? А квартиру эту продадим, на первое время строительства нам денег хватит.

– А жить где будем?

– Так у моих... Ну, если хочешь, и у твоих можно... Какая разница, Ань?

– Ну да. Что называется, приехали. От чего ушли, к тому и пришли.

– Ну, Ань...

– Отстань, а? Что, этот вопрос прямо сегодня решить надо?

– Да нет... Я просто к тому, что надо вперед думать, на свои ноги вставать... В конце концов, я мужик или кто? Должен я о будущем своей семьи думать?

– Должен, должен... Вот построишь дом, и сразу откроется тебе светлое будущее. Прекрасная жизнь молодой семьи Власовых в отдельно взятом селе Одинцово.

– Ну да... А что в этом смешного?

– А с чего ты взял, что я смеюсь?

– Да я, Ань, иногда вообще не понимаю, когда ты смеешься, а когда серьезно говоришь...

– Ну и хорошо, что не понимаешь. Значит, я женщина-тайна.

– Опять... смеешься?

Он поднял на нее глаза – добрые, немного растерянные, немного грустные. И снова ей стало не по себе – чего к парню привязалась? Наоборот, радоваться надо – такой хороший муж достался. Сейчас, сейчас она соберется с духом и начнет всюю радоваться. Сейчас...

– Ладно, Леш. Потом к этому разговору вернемся. Иди, включай телевизор, там сегодня футбол обещали. Вон, пиво в холодильнике возьми.

– А ты?

– А я сейчас тут порядок наведу и тоже приду... Иди, Леш.

Встала над раковиной с грязной посудой, задумалась... Нет, чего она и впрямь своим тоскливым настроением бога гневит? Нормальная жизнь, нормальная семья, хорошие отношения... Муж-добытчик на строительство дома нацелился, она, как любящая жена, щей ему наварила, даже пиво к футболу не забыла купить... И главное, не просто так не забыла, а в охотку, из самых лучших побуждений! Откуда, откуда эта тоска вдруг взялась? Ладно бы, противен да постыл он ей был, так ведь нет... Даже возгласы его футбольные, доносящиеся из комнаты, совсем не раздражают...

Ура, наши выиграли. Кто такие были эти «наши», она и не поняла толком. Сидела рядом с Лехой на диванчике, привалившись к его крепкому плечу, дремала зыбко. Семейная идиллия. Красота. Радость – просто неопишущая. Конечно – радость. Должна быть – радость... И вообще, спать пора.

Леха разложил диван во всю ширь, и он занял добрую половину комнаты. Постелил, забрался под одеяло, стал смотреть, как она, распустив волосы и облачившись в ночную сорочку, кладет себе крем на лицо.

– Какая ты у меня красавица, Ань... Аж дух захватывает...

Во как! И нам, Одинцовским девушкам, стало быть, комплименты достались! А что, приятно, черт возьми. Красоты особенной нет, зато у мужа дух захватывает!

Подсунувшись ближе к зеркалу, она даже попыталась разглядеть обещанную «красоту», кокетливо выгнув шею. Ну, и где же она, с такой искренней страстью провозглашенная? А нету ее, простите... Лицо круглое, самое обыкновенное, кожа от крема блестит. Нос, глаза, губы – мелкое все, глазу не за что зацепиться. Мелкое, но вполне гармонично пропорциональное. Лицо как лицо, в общем. Зато волосы хороши! Густые, русые, падают на плечи тяжелыми блестящими прядями. Хотя тоже, в общем, обыкновенные. Заберешь их назад, в хвостик, и не видно никакой красоты.

Отступив на шаг, она собрала на спине сорочку, повернулась к зеркалу боком. Нет, когда расползлась так успела? Вон, и живот уже почти бабский наметился...

– Ложись, Ань... Хватит у зеркала вертеться. Иди ко мне, я соскучился...

– Да ну, Леш. Не надо, устала я. Нет, правда, извини, честное слово, устала... Прямо на ходу засыпаю!

– Так завтра же выходной, отоспишься! Ну, Ань...

– Отстань, я сказала! Выключай свет, спать будем! Нет у меня сегодня настроения, извини...

* * *

С утра опять – дождь. Хоть бы в выходной непогода унялась, что ли! Хорошо бы в такую морось дома остаться, поваляться на диване с книжечкой. Взять любую с полки, открыть наугад... Она любила так читать, чтоб наугад. И чтоб текст уже знакомый был, классический какой-нибудь. Чехов, Пушкин... Читаешь его, сама себя уважаешь. А Леха ходит вокруг на цыпочках, тоже – уважает. Умная, мол, жена, грамотная.

Да, хорошо бы. Но нельзя. У мамы сегодня день рождения. Надо как-то с внешним видом себя прилично обустраивать и отправляться в родительский дом. Но как себя обустроишь, если настроение – хуже некуда? Опять с утра все, все раздражает! Еще тошнее вчерашнего! Холодный сырой воздух, плеснувший из открытой форточки, включенный «просто так» телевизор, безвольно висящая в ванной вниз рукавами постиранная с вечера Лехина рабочая куртка.

И сам Леха – безмятежный, полный утренних сил, с удовольствием поглощающий яичницу прямо со сковородки. Нет, неужели так трудно еду на тарелку прилично выложить? Почему прямо со сковородки есть надо?

– Ань... Ты чего, сегодня опять не с той ноги встала? Я вроде всегда яичницу со сковородки ем... Так мне вкуснее кажется. И красивше.

– Леш... Нет такого слова – красивше! Надо говорить – красивее, понял? А кстати, чем это яичница на сковородке красивше... ой, тьфу! Красивее, то есть?

– А с пылу с жару потому что. Весь пыл-жар в сковородке при ней остается. И желтки не растекаются, красота форму держит.

– Ну, ты прямо поэт-раблезианец...

– Кто? Не понял...

Он поднял на нее от сковородки тяжелый настороженный взгляд, хмыкнул, дрогнув уголком губ. И не то чтобы обида или, не приведи господь, угроза исходили из его вопроса и хмыканья, но некоторое неудовольствие явно имело место быть. Неудовольствие к ее вспыхнувшему не к месту раздражению, к явно насмешливой интонации превосходства в голосе. Что ж, надо признать, он прав... Действительно, чего к парню привязалась? Ну, хочется человеку яичницу прямо со сковородки есть, и пусть себе! Он же не лорд английский, в конце концов, а уж информация про всяких там раблезианцев с эпикурейцами ему тем более без надобности. И вообще... Сказала бы спасибо, что в отказе от святого исполнения супружеского долга не попрекнул...

– Леш, а я вчера маме в подарок ботинки купила, полторы тысячи отдала. Ты как, не против? – разрядила она сгустившуюся нехорошую паузу «подлизывающимся» ответом-вопросом.

– Да с чего бы я против-то был? – расплылся он в улыбке явного облегчения. – Купила и купила, и молодец. Сама знаешь, мне для родителей ничего не жалко, ни для твоих, ни для моих. А угодишь ли подарком-то?

– Ну да... Она такие и хотела. Давай, заканчивай с завтраком да собираться будем. Я тебе голубую рубаху поглажу, ты в ней такой красивый...

Вобщем, дальше пошло все рядом да ладком. Нагладились, нарядились, наподадились, в гости отправились. Вышли из дома – соседка баба Дуня вслед им привычно языком цокнула – ох, какая ладная парочка, гусь да гагарочка. Она тоже выдавила из себя привычно-вежливую улыбку – спасибо, баб Дунь... А Леха еще и подмигнул старухе залихватски – да, такие мы и есть, смотрите, любуйтесь! Идем рядом, жизни радуемся. Молодые, здоровые, работой-жильем обеспеченные, чего еще надо для счастья? Может, в глобальном масштабе и маловато будет, а для поселка городского типа Одинцово – даже с лихвой...

В родительском доме уже всю собиравшись гости – родня, соседи, мамины подружки с птицефабрики. Мамин брат дядя Сережа с женой Тамарой – властной, хамовато-ядреной, востроглазой, про которую в родне говорили, что «бодливой корове бог рог не дает». В том смысле, что детей у них так и не народилось. А может, и не в корове с рогами тут было дело, а в дяде Сереже, отслужившем по молодости армейскую службу на подводной лодке. Сестра отца, тетя Клава, тоже притащилась, хоть наверняка и не званая – слишком уж у нее отношения с мамой натянутые были с молодости. Вполне классические, как в той частушке – лучше деверя четыре, чем золовушка одна. Кстати, и деверь был, младший отцов брат Митенька, уже порядочно за здоровье именинницы на грудь хвативший. Вся родня на Митеньку давно уже рукой махнула – пьет, и пусть себе пьет, зато горя никому не приносит. Ни жене, ни детям, по причине полного отсутствия таковых.

На диване в большой комнате, где стол был накрыт, скромно жались друг к другу мамин сослуживицы. Чем больше жались, тем больше жеманились.

– Здравствуй, здравствуй, Анечка... – поздоровались нестройным хором, бегло-придирчиво оглядели с головы до ног. – Прямо глаз на тебя не нарадуется, все хорошеешь... И при образовании теперь, и при муже, и при квартире... Молодец, что еще скажешь!

Пробежавшая мимо с подносом в руках мама притормозила – захотелось, наверное, пенку свою материнскую снять с этого хвалебного монолога. Стояла рядом, довольная, покрасневшая.

– Ну, ну! Не сглазьте мне девку-то, окайные! Ишь, раскурлыкались!

– Да ладно тебе, Кать... Если где и поглазим, так она сама себя вылечит! – махнула рукой самая из них смелая, зоотехник Наталья Семеновна. Потом, переменившись в лице, бойко ухватила за правый бок, проговорила торопливо: – Слышь, Анечка... Что-то у меня в правом боку в последнее время так сильно покалывает! Чего это, а?

– Ой, а у меня, Анечка, вчера целый день меж лопаток болью болело... – тут же сунулась с жалобой Татьяна Ивановна, главный бухгалтер, даже слегка отодвинув от нее рукой Наталью Семеновну. – Это, наверное, с сердцем нелады? Как думаешь?

Ну, началось... Надо отойти от них поскорее, иначе закидают не к месту анамнезом, как дерьмом.

– Мам, я ж тебя еще не поздравила... – коротко мазнув по лицам теток-подруг извиняющейся улыбкой, обняла она за плечи мать, – пойдём-ка, глянем на наш с Лехой подарок...

– О-о-х... Доченька... – восхищенным шепотом, на одном длинном вдохе проговорила мама, доставая из коробки ботинок и поглаживая его по явно претендующему на кожу глянцевого боку, – а я на них все смотрела, смотрела, так и не решилась купить... Такие шикарные ботики, спасибо тебе...

– Ну уж, шикарные... Чего в них шикарного-то? Даже не кожаные...

– Ой, а по мне и такие хороши! При наших-то скромных доходах! Ну, угодила, так угодила... Спасибо тебе, дочь...

Отвернувшись, мать коротко всхлипнула, сунулась носом в горсть, сглотнула трудно и тут же потянулась с поцелуем, смахнув со щеки слезу.

– Ну что ты, мам... Что ты... Давай, расплачься еще!

– Все, доченька, все, не буду... И впрямь, чего это я? Радоваться надо, что такую дочку вырастила! Пойдем к гостям... Вроде все уже собрались, надо за стол приглашать!

Первый «созыв» к столу гости оставили как бы без внимания – по традиции так полагалось. Вроде того – не ради угощения мы сюда пришли, а исключительно из уважения к имениннице. Ждали повторного приглашения, которое, опять же по сложившейся традиции, не замедлило вскоре прозвучать, но уже на более высоких нотах – ну, что же вы, гости дорогие, давайте, давайте, прошу к столу!

И дальше все пошло по неписаному закону Одинцовского гостеприимства. Сначала встал во весь рост с наполненной до краев рюмкой отец, предложил выпить за здоровье жены-именинницы. Чокнулись, выпили, оживились слегка, всплеснулись над столом руки с тарелками, потянулись в сторону салатниц, порезанных на подносах пирогов да грибных-овощных солений. Вот и тарелки уже наполнены, но никто к еде не притрагивается, ждут. Теперь, стало быть, ее черед пришел дочернее слово сказать. Встала, произнесла дежурное – поздравляю, мол, желаю того-сего, всякого-разного. Гости дружно закивали головами, потянулись чокаться, хором потребовали выпить до дна. Выпила, конечно, а что делать?

Рюмка водки неприятно протолкнулась через пищевод, оставив во рту противное сивушное послевкусие. Точно, паленая. Из самых дешевых. Не хватало еще отравиться...

То ли от неприятной мысли, то ли от проявившего возмущение организма кинулось в голову давешнее раздражение, и она вздрогнула всем телом, как от озноба. Склонилась над тарелкой, принялась быстро есть, не разбирая вкуса. Да и чего там было разбирать? Салат

оливье, салат «мимоза», грибочек скользкий в сметане, кружок полукопченной подозрительной колбасы. Все одно и то же, от именинных традиционных щедрот.

Дальше выступали родственники, по старшинству. Потом – подружки мамы с птицефабрики. Застолье постепенно нарастало шумом, женским визгливым смехом, пьяными скабрёзными шутками. Сидящая рядом с ней по правую руку тетка Тамара, та самая «бодливая корова, которой бог рог не дает», преболъно ткнув локтем, проговорила требовательно:

– Слышь, Ань... Опять у меня в правом боку заболело, страсть как! С чего бы это, а?

Дался им всем этот правый бок! Провалитесь вы все вместе со своими правыми и левыми боками!

– Так понятно, с чего... – стараясь унять кипящее внутри раздражение, медленно и зло проговорила она, – целую тарелку холодца уплели, сверху его водкой залили, и хотите, чтобы печень от этих радостей вам спасибо сказала?

– А ты что, посчитала, сколько я выпила да съела? – возмущенно икнув, громко обиделась тетка Тамара, зло зыркнув по лицам гостей пьяным глазом. – Тебе жалко, что ли? Жалко, да? – И, обращаясь к матери, насмешливо-сердито продолжила: – Слышала, Катерина, как меня твоя доченька отбрила? Холодца, говорит, много уплела!

– Ну хватит, Том... – махнул рукой в ее сторону со своего места отец, – чего ты опять начинаешь на ровном месте? Без склоки обойтись не можешь, что ли? Вовсе она не хотела тебя обидеть!

– Да как же, не хотела! Выучили доченьку на свою голову, она и зазналась! Да я сроду больше ничего у нее не спрошу! И угощения вашего мне не надо! Да я...

– Клава, запевай! – зычно скомандовал отец, пытаясь придушить на корню поток теткинго возмущения. – Запевай, а мы подхватим!

– А чего запевать-то, Вань? – весело откликнулась с другого конца стола тетя Клава.

– Да чего хочешь!

И тетя Клава запела. Вернее, заголосила с ходу. Она вообще славилась в родне как самая голосистая. Выкрикнула из себя первые слова песни, как лозунги:

Летят перелетные птицы!
В осенней дали голубой!

И впрямь – прозвучало позывом к действию. Дружно вдохнув, гости подхватили хором:

Летят они в дальние страны
А я остаюсь с тобой...

О, боже... Кто бы знал, как она не любила этой застольной самодеятельности! С детства терпеть не могла. Нет, посмотрели бы на себя со стороны, как смешны они в этой наивной старательности, пьяном дребезжании голосов, серьезности разомлевших лиц, сдвинутых бровей, похмельной поволоке глаз...

А я остаюсь с тобою,
Родная моя сторона...

Вот именно – «остаюсь»! Не «остаюсь», а «остаюся»! Наверное, для такого вот застолья и расстарался поэт Михаил Исаковский, потрафил этим простецким «остаюся». А из песни, как известно, слова не выкинешь!

...Не нужен мне берег турецкий,

И Африка мне не нужна!

Да, как же! Не нужен вам берег турецкий вместе с Африкой! Только вас таких, из поселка городского типа Одинцово, в Турции да в Африке и не хватало... А может, это вы им не нужны? Как в том анекдоте – съест-то он съест, да кто ж ему даст?!

Ну, все. Хватит, пожалуй. Надо на улицу выйти, воздуха свежего глотнуть.

Накинув на плечи отцовскую куртку-брезентуху, шмыгнула через сенцы, через веранду-пристройку, вышла во двор, вдохнула полной грудью. Надо же, почти сумерки. И тишина. А дождь, наверное, недавно закончился. Тяжелые редкие капли плюхаются со слива в переполненную до краев бочку. Плюх – и круги по воде. Плюх – еще. Грустная музыка сельской осени. Ветер подул – принес запахи влажной огородной земли, пошумел ветками рябины в палисаднике. За воротами послышался шум проезжающей мимо машины. И снова – тишина. Сырая, тягучая, с вкраплениями доносящейся из дома и еще более несуразной на ее фоне самодетельности.

А холодно, однако! Надо в дом возвращаться. Хотя и не хочется. Но выбор, к сожалению, не велик. Вернее, его совсем нет, выбора-то.

Войдя в дом, скинула с плеч куртку, долго пристраивала ее на крючок, встав на цыпочки. И невольно стала свидетелем родительской перепалки, плеснувшей из кухни.

– А я тебе говорила – не пей! Позеленел уже весь, а все равно к рюмке тянешься!

– Да не, Кать... Я ж вроде немного... – послышался в ответ страдальческий голос отца. – Я ж не знал, что опять прихватит! Лекарство-то мое где, Кать?

– Да, теперь про лекарство вспомнил, конечно! А когда рюмку за рюмкой в себя опрокидывал, о лекарстве думал? Русским языком человеку говорят – нельзя, а он все поперек делает! Нельзя, понимаешь?

– Нельзя, все нельзя... А чего мне тогда можно-то, Кать? Лечь да умереть, да? Может, лучше тебе станет? Сиж на твоей шее, надоел, да? – с непривычной злостью в голосе вдруг огрызнулся отец.

– Ага, давай... Обвиняй меня во всех грехах! А кто тебя столько пить заставлял, интересно? Тоже я, что ли?

Она стояла в прихожей, замерев, почти физически ощущая, как вспыхнувшая костерком родительская перепалка оседает внутри серым пеплом безнадёги. Да, вот так и живут. И у них тоже выбора нет – как жить. Только они наверняка об этом не задумываются, о выборе-то. Зачем – задумываться? Все равно ничего не изменишь. Проще слепить из того единственного варианта, что жизнь предложила, видимую глазом привычку и называть ее супружеским счастьем. И совершенно искренне полагать, что это не привычка, а любовь такая. Любовь-неприязнь. Любовь-тайная злоба. Любовь-отчаяние. А все кругом верят, что это и впрямь – любовь! И тосты на днях рождения за нее поднимают. Ну что ж, так и надо, наверное. Когда выбора нет, лучше обозвать черное белым, а горькое сладким. Тоже выход, между прочим.

Страхнув с себя оцепенение, она шагнула вперед, встала в кухонных дверях, проговорила решительно:

– Пап... Тебе лучше сейчас не принимать никаких таблеток. На фоне алкоголя только хуже будет. Иди приляг лучше.

– Ой, дочка... – поднял он на нее искривленное болью и злобой лицо. – Да ты... Да ты не переживай, что ты... Мне уже полегчало, честное слово! Испугалась, что мы с мамой ругаемся, да? А мы и не ругаемся вовсе, просто... поссорились немного! Правда, Кать?

– Правда, правда! – испуганно замахала на нее руками мама. – Все нормально, Анют! Иди лучше к гостям, они там без присмотра остались! А отцу и впрямь уже лучше! Правда, Вань?

– Ага, ага... Уже лучше. Все хорошо, Анют! Сейчас мама мне травки заварит, и нормально! Иди, не беспокойся...

Именинное веселье, когда она вошла в комнату, плавно перетекало в следующую стадию, почти стихийную. То есть гостей от песен потянуло к пляскам. Уже и музыка, слабенькая, хрипловатая, пыталась вырваться из допотопного кассетного магнитофона – «...все могут короли, все могут короли...»

Плясали почти все, подпевали залихватски. За визгливыми женскими голосами даже гениального пугачевского пения не разобрать было – так, угадывалось направляющей интонацией. За столом остались сидеть лишь Леха с Митенькой, увлеченные разговором. Подошла, прислушалась...

– Да не... Я траншею, конечно, поглубже хочу, и бетона под фундамент до хрена уйдет. Но если побольше подушку сделать, то чуть сэкономить можно! Я, слышь, вот еще что придумал...

Так. Все понятно. Леха, значит, уже всю дом строит. Нашел себе благодарного слушателя. А Митенька пьяный совсем, делает вид, что внимает. Смешно морщит губы, хмурит белесые бровки, пытается собрать глаза в кучку.

– Леш... Другого места и времени не нашел, да? – тронула она его за плечо.

Он поднял на нее глаза – страстью разговора горящие. Наивные, честные, искренние. Слепые от недовольства чужого вмешательства. Раздражение бултыхнулось внутри тяжелым комком, и пришлось напрячься всем организмом, чтобы не выпустить его на волю.

– А чего, Ань? Ну, поговорили немного... Митяй вон сколько на халтурах домов поставил, с ним и посоветоваться не грех!

– Ну-ну. Давай, советуйся. Прости, что помешала.

Резко повернувшись, она сообразила на лице кое-какую улыбку, проскочила через пляшущее месиво гостей, толкнулась в комнату, бывшую свою, детскую, торопливо захлопнула за собой дверь. Села на тахту, зажала уши руками. Долго так сидела, пялясь в спасительную темноту, пока не ударил по глазам включенный свет.

– Анечка... Ты чего это? – легла на плечо теплая рука матери. – Ты почему здесь одна, в темноте? Что с тобой?

– Ничего, мам...

– Да ладно! Думаешь, я не вижу, что ли? Ты в последнее время сама не своя ходишь. Случилось чего? Ты расскажи, дочка, излей душу, легче будет. С Лехой у вас нелады, да?

– Нет, мам, все у нас хорошо. Честное слово.

– Так и я думаю – чего плохо-то? Такой парняга тебе достался – живи да радуйся! Не пьет, не курит, здоров, как бык, тебя без ума любит! А может... Не к душе он тебе?

– К душе, мам, к душе. Честное слово – нормально все, не переживай. Просто...это осень такая тяжелая. Все пройдет, мам... Иди, слышишь, тебя зовут?

– А ты?

– И я сейчас приду. Посижу еще немного и приду. Ты лучше за папой последи, пить больше не давай. Нельзя ему...

Гости разошлись ближе к ночи. Только Митенька не смог – свалился спать на тахте в ее комнате. Втроем с мамой, с Лехой убрали-перемыли посуду, отодвинули к стене стол. Домой шли уже по ночным улицам, в крошечной тьме, молча.

– Ань, а Митька-то мне дельные советы дал... – первым нарушил молчание Леха.

– Какие советы?

– Ну, относительно дома-то. Все-таки не идет у меня из головы эта мысль... Может, решимся, Ань?

– Отстань, а? Вон, лучше под ноги смотри!

– Ну, Ань...

– Ой, делай что хочешь... Мне все равно, Леш...

* * *

– Ань! У тебя на сегодня три вызова. Немного, конечно, только...

Глаза Лидочки, молоденькой медсестры из регистратуры, округлились со значением, потом взгляд нырнул куда-то вбок, губки поджались, и она продолжила почти шепотом:

– Только один из вызовов к Анисимовым... К тем самым, представляешь?

– Нет, не представляю. А кто это, Анисимовы?

– Да ты что, Ань! Ну как же! Это же к Варе Анисимовой, той самой! Ну, которая в конкурсе красавиц в области участвовала! Потом она еще за богатого то ли модельера, то ли дизайнера замуж вышла...

– И что?

– Ой, да неужели ты и впрямь эту историю не знаешь? Про нее, про Варю, тогда все газеты писали! Она хотела себе косметическую операцию сделать – то ли убрать там чего-то, то ли наоборот, нарастить, а врачи ей все неправильно сделали, какую-то инфекцию занесли, она две недели в коме была. Говорят, на всю жизнь теперь инвалидом останется. Варин муж потом еще с ними судиться хотел... Ой, да неужели ты ничего про это не слышала?

– Да, кажется, припоминаю что-то... Ее муж – Александр Синельников, да?

– Во-во! Точно! Синельников!

– Лид... А ты уверена, что вызов именно к Варе поступил? Вроде не должно быть... Где Синельников, и где наше Одинцово?

– Ой, так я ж сама его принимала, вызов-то! Вот, смотри... Варвара Анисимова, двадцать два года, улица Чапаева, дом пять... Что я, не знаю, где Варька живет, что ли?

– Ладно, Лид, разберемся. Работай давай, у тебя вон телефон разрывается.

– Да ничего, подождут... Больных много, а я одна. Слушай, Ань... А как думаешь, чего это он, Синельников, вдруг Варю сюда привез? Отделаться, наверное, захотел... Конечно, зачем ему жена-инвалид? Дизайнеры да модельеры, они все такие! А Варька теперь пропадай!

– Возьми трубку, Лида! Очередную жалобу на свою голову ждешь?

– Да ладно, ладно... – нехотя потянулась Лида к трубке. – Кому приспичило, все равно дозвонятся... А ты мне потом расскажешь, Ань, чего там у Анисимовых? Неужели Варьку навсегда к матери привезли?

– Знаешь, Лид... Вообще-то любопытство не порок...

– Но большое свинство, ты хочешь сказать? Ну, может, и свинство, конечно... Только я ж не от злорадства интересуюсь, а от переживания... Когда Варька на этом самом конкурсе победила, все наши девчонки знаешь как ей завидовали? А я вот нисколько не завидовала, я за нее рада была, честное слово! Думала, хоть одна девчонка из нашего Одинцово красиво в жизни устроилась. А оно вон как вышло... Регистратура, слушаю вас! – моментально придав голосу слишком озабоченную деловитость, бросила она в трубку. И с той же озабоченностью принялась оппонировать недовольству звонившего: – А вы что, меня учить будете, в каком режиме работать? Ну и что – шесть минут трубку не брали? Вы здесь один такой, что ли?

– Лид... – только и смогла протянуть она укоризненно, – ну что ж ты хамишь так, ей богу...

Продолжая прижимать к уху трубку, Лидочка вскинула на нее глаза – ясные, чистые, удивленные. Коротко пожав плечами, моргнула совсем по-детски – не понимаю, мол, о чем ты... Какое такое хамство?

А может, и впрямь, нет его тут, хамства-то. Есть просто узаконенная временем привычная перепалка, почти игра. А как без этого? Все же знают, что в регистратуре сельской поликлиники не звезда отечественной медицины звонки принимает, и потому хамство в данном случае такое... веселенькое немного, сермяжное, ожидаемое. По крайней мере, вполне пере-

терпеть можно без ущерба для здоровья. Тем более, если учесть, что до их захоlustья все эти окультуренные принципы здравоохранения еще не докатились... У них в поликлинике, между прочим, даже и компьютера еще нет! А про всякие там нанотехнологии в медицине они только по телевизору слышат. Хорошо еще, что хоть сама по себе поликлиника есть, по статусу «городского типа» поселку положена. Хоть здесь этот пресловутый «городской тип» сгодился...

Так, с мыслями о бедной своей поликлинике, о Лидочке и ее узаконенном хамстве она и отправилась в путь. Два вызова на улицу Луговую и один – на улицу Чапаева, к той самой Варе Анисимовой. На Чапаева – это совсем недалеко от поликлиники, за угол завернуть и пройти два перекрестка. А вот и дом, с виду неказистый. В палисаднике худая рябинка да неприка-
янный по этому времени года сиреневый кусток. Полотнище калитки в воротах распахнуто настежь – врача ждут. Во дворе мужчина стоит к ней спиной, курит. Сразу видно – не Один-
цовский. Даже со спины – видно. И не то чтобы спина какая-то особенная, просто энергия чужеродности от него будто волнами исходит, отталкивается от убогой картинке сельского подворья. Полная дисгармония получается, в глаза бьет.

– Здравствуйте. Я из поликлиники, по вызову, – строго произнесла прямо в его спину.

Он вздрогнул, резко обернулся, заметался взглядом в поисках, куда бы приткнуть сига-
рету. Она стояла, рассматривала его с интересом... Не каждый день известную личность так близко видишь! Да еще такую растерянную...

Да уж, было там на что посмотреть. Очень любопытное лицо... Красивое, но устроенное как-то по-особенному, вперемешку с ухоженностью и симпатичной мужицкой грубоватостью. Наверное, именно про такие лица и говорят – brutальные? Только тут brutальность особенная какая-то, нежная, почти аленделоновская. И прическа тоже немного аленделоновская, будто порывом ветра взлохмаченная. Но в то же время – видно, что продуманная, стильная то есть. Хотя... Лида же говорила, что он как раз родом из этой стильной мужицкой номенклатуры – то ли модельер, то ли дизайнер... По крайней мере, фамилия очень известная, на слуху, – Синельников.

– Да, здравствуйте! – проговорила «известная личность» с трепетной хрипотцой, затап-
тывая недокуренную сигарету в траву, – Проходите, пожалуйста, мы вас ждем! Извините, но это мать Вари... То есть... Варвары Анисимовой, моей жены... А впрочем, не важно... В общем, это она на срочном вызове настояла. Хотела, чтобы я с вами поговорил до отъезда...

О-о-о... А сколько у тебя испуга в голосе, милый! Свалить, значит, решил, да теща не отпустила? Неужели Лидочка в своих предположениях права оказалась?

– Здравствуйте. Для начала проведите меня к больной.

– Простите... А как вас зовут? Вы ведь участковый врач, да?

– Да. Я участковый врач, Власова Анна Ивановна.

Сказала – и вдруг устыдилась своего простецкого имени. Надо же, никогда не знала, как это звучит – совсем по-деревенски. Он глянул на нее коротко, с пониманием... Почувал, что ли, как она ни с того ни с сего устыдилась?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.